

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XVII в.

С. А. Васютин

IDENTITY OF WEST EUROPEAN URBAN COMMUNITIES IN THE 17TH CENTURY

S. A. Vasyutin

В статье рассматриваются различные данные о групповой идентичности в западноевропейском городе XVII века, разнообразных ее проявлениях в многочисленных социокультурных общностях городского населения. На этом основании анализируются особенности социального взаимодействия в разных странах и регионах Европы и показаны разнонаправленные тенденции сохранения и трансформации социальных связей в городских сообществах «переломной» эпохи.

The paper deals with various evidences regarding the group identity of West European towns in the 17th century and its diverse manifestations in numerous sociocultural urban communities. It makes a basis for the analysis of social interaction peculiarities in different European countries and regions. Various trends in preserving and transforming social relations of urban communities during this critical period are also demonstrated.

Ключевые слова: западноевропейский город XVII в., групповая идентичность, социальные связи и их трансформация.

Keywords: Western European town of the 17th century, group identity, social relations and their transformation.

Корпоративные социальные структуры городов Западной Европы, во многом унаследованные от Средневековья, переживают в раннее Новое время существенные трансформации. Городские сообщества и социальные связи в городской среде подвергались воздействию многочисленных и неоднозначных с точки зрения последствий факторов, по-разному влиявших на групповую идентичность горожан. Прежде всего, это касается различных политических и военно-политических обстоятельств (фискальные и судебные мероприятия государства и городского управления, политика «социального дисциплинирования», общественные конфликты, войны, особенно Тридцатилетняя война, политически мотивированные миграции и т. д.). Не меньшее воздействие на городское население, сложное по своему социальному составу и территориальному разграничению в рамках города (престижные районы, где располагалось здание мэрии, главный городской собор, проживала аристократия и патрициат, кварталы ремесленников, наемных работников, прислуги, торговые места, улицы, где преобладали дома бедных и процветала преступность и т. д.) оказывали социально-экономические процессы (дифференциация населения по доходам, социальному статусу, «ранний капитализм», дальнейшая урбанизация и рост городского населения). Среди явлений влиявших на стабильность взаимодействия в рамках различных социальных групп и более обширных сообществ (того же города в целом) особенно стоит выделить так называемые «кризисы существования» (разорение, голод, эпидемии), а также связанные с ними демографические колебания (в данном случае речь идет именно о краткосрочных тенденциях демографического развития, а не о многолетних трендах). В то же время стабильности общественного положения горожан способствовали крепкие внутрисемейные отношения, родственная поддержка и взаимодействие, принадлежность к религиозной общине, включенность в профессиональные объединения и т. д. Определенные гарантии устойчивости позиций того или

иного городского жителя были связаны с земельной собственностью, аристократическим статусом, участием в деятельности крупных торговых корпораций, вхождением в различные властные институты и обладание престижными должностями, родственными связями с влиятельными лицами и пр. Но одновременно с этим возросла роль образования и профессиональной карьеры, что непосредственно влияло на восприятие собственной общественной роли и вело к формированию положительной идентичности. Особенно стоит отметить развитие профессиональных структур и связанных с этим социальных взаимоотношений. Неслучайно В. Н. Малов назвал XVII столетие «временем профессионализации» [1, с. 11 – 15].

Как оценивать социальные изменения в городе XVII в.? Насколько они разрушали сложившиеся социальные институты? В марксизме теория первоначального накопления капитала была призвана показать вполне определенную картину – обнищание и де-социализация «народных масс», которая обеспечивала накопление ресурсов классом буржуазии и подготавливала формирование класса пролетариата. Можно ли полностью отвергнуть такое видение социальной истории рассматриваемого периода? Без сомнения, да! В современной ситуации гораздо легче сместить интерес в сторону других макропроцессов – «военная революция», доминирование Западной Европы, капиталистической мир-системы, писать о каналах влияния власти на общество, «социальном дисциплинировании», «сетях контроля» и т. д. Или наоборот, ограничивать исследовательское поле конкретными сообществами и людьми, считая все остальное «социальными конструктами». Огромные «пласты» социальной истории и социальных явлений все чаще остаются вне поля зрения современного историка. Возвращаясь к марксистской трактовке постсредневекового периода, считаю важным отметить, что вероятно, мы имеем дело с многочисленными разнонаправленными общественными процессами и они могут быть описаны в разных смыслах, других катего-

риях и понятиях, которые позволят увидеть менее однозначную картину. Конечно же, такие попытки неоднократно предпринимались. Достаточно назвать исследования Ф. Броделя, Р. Мандру, А. Макфарлейна, К. Томаса, Э. Хобсбаума и многих других ученых. В результате появилось множество реконструкций социальной истории эпохи раннего Нового времени. При этом нельзя отрицать, что такие модели в большей или меньшей степени учитывают «марксистский образ» «социального неблагополучия» многих жителей западноевропейских городов, утрату ими прежнего статуса, маргинализацию и пр. Остаются открытыми такие вопросы: Насколько масштабными были подобные процессы? Составляли ли именно они ключевую стержень общественной трансформации? Насколько лучше подобные явления объясняют альтернативные доктрины? Можем ли мы, например, взять за основу концепцию Старого порядка для всех стран и социумов Запада? Вправе ли мы в таком случае говорить о постепенных общественных изменениях, близких к таким понятиям, как «эволюция» или даже «континуитет»? Либо в сонме событий, явлений, процессов необходимо сделать акцент на наиболее значимых и динамичных трансформациях, на так называемой ранней (доиндустриальной) модернизации, хотя многие специалисты не любят и не принимают данную дефиницию? Или же «социальные ландшафты» XVII века и в целом раннего Нового времени с условными границами в пределах конца XV – XVIII вв. (вероятно до Французской революции?) и их трансформация должны быть осмыслены в мир-системной логике с учетом роли государств и регионов Западной Европы в центр-периферийных отношениях? Перед историком встает немало и других вопросов. Возможно менее конкретизированный термин «Переход» позволяет сочетать разные «краски», интегрировать различные позиции и теории ученых, увидеть то, что социальные процессы не только многоплановы и разнонаправлены, но и проходят с неодинаковой «исторической скоростью», что соответствует дифференциации исторического времени Ф. Броделем. Но даже при таком подходе требуются многоплановые критерии и верно выбранный объект исследования, чтобы можно было говорить определенно хотя бы об одном комплексе социальных явлений (локализованных в конкретной социальной среде либо территориально) в масштабном потоке общественных процессов переходной эпохи.

В статье предложен один из возможных подходов к изучению социальных трансформаций в городе XVII в. Он направлен непосредственно на анализ социальных связей и групповой идентичности горожан эпохи раннего Нового времени. Стоит оговориться, что сам по себе данный подход не обеспечивает получения абсолютных знаний о западноевропейских урбанизированных сообществах той эпохи, к тому же и методы его реализации могут быть совершенно разные, что потенциально предполагает дифференциацию результатов. С другой стороны, выбранный объект исследования (многочисленные социальные связи, а также формы самоопределения различных социальных групп) отражает только часть социальной дейст-

вительности, во многом «размытой» спецификой развития городов в разных регионах (Средиземноморье, континентальные области, Северо-Запад), государствах, локальных территориях Западной Европы. При всех отмеченных условностях характер взаимодействий в городских сообществах, определенные трансформации общественных связей, по сравнению с предшествующей средневековой эпохой и особенно в течение XVII в., несут весьма важную информацию о состоянии западноевропейских социумов прединдустриального периода.

Города в XVII в. были центрами полифункциональной деятельности и порождали самые сложные формы общественной иерархии (особенно столичные), что находило отражение в многочисленных формах социального взаимодействия (семейно-родственные структуры, молодежные группы, цеховые ремесленники, работники мануфактур, торговые компании, юристы, врачи, городские чиновники, университетские корпорации и т. д.). Широчайшее разнообразие форм социальных связей порождало и многочисленные проявления групповой социальной идентичности – семейно-родственной, профессиональной, политической, сословно-стратовой и пр. Комбинации такого рода устойчивых социальных взаимодействий, так же как и индивидуальные ассоциации себя с определенной группой людей могли включать одновременно и родственников, и друзей, и определенные авторитеты. Даже в маргинальных городских сообществах (нищие, преступники, проститутки и пр.) возникали более или менее устойчивые, но весьма своеобразные иерархические объединения со специфическими нормами внутренних отношений (особенно в территориальных преступных группировках). В городах также оседали многочисленные в рассматриваемый период мигранты, порой составляя целые диаспоры, занимавшие порой целые улицы и кварталы. Хорошо известна высокая степень сплоченности еврейских общин в городах Нидерландов, германских землях.

Для полноценного изучения идентичности городских страт и сообществ требуется целая программа широкомасштабных научных изысканий с привлечением разных специалистов (историков, социологов, антропологов, психологов). В данной статье лишь намечается одно из возможных направлений таких исследований и анализируются наиболее показательные виды социальных связей. Представленные выводы носят предварительный характер и должны быть верифицированы в последующих работах.

Ключевую роль в жизни горожанина XVII века играли социальные взаимодействия, связанные с (1) семьей и более широким кругом родственников, (2) религиозной общиной и (3) профессиональной деятельностью. Важным проявлением групповой идентичности городских жителей было позиционирование данного сообщества перед властью (вернее перед разными органами городского и государственного управления) и идентификация таких структур властными учреждениями. Следует подчеркнуть, что в отношении трех указанных видов социальных связей в очень многих случаях «границы» могут быть условны, так

как в некоторых случаях семья выступала как часть религиозной общины и производственной группы.

На протяжении веков семейно-брачные институты являлись фундаментом общественных структур: в семье проходили важные этапы социализации человека, близкие родственники формировали социальную среду, в которой оформлялись взгляды и ментальные установки детей, поддержка семьи и родственные связи обеспечивали определенную стабильность положения индивида, давали возможность получить образование, работу, в конечном итоге горожанина ждала установленная родителями, опекунами или родственниками доля наследства. Все это не исключало конфликтов и напряженности в семейном коллективе, стремлений детей «вырваться» из под надзора родителей. Согласно современным историко-демографическим концепциям, в Западной Европе XVII в. доминировали так называемые «северная» и «южная» модели брака. Их формирование относится еще к концу Средневековья, и в рассматриваемое столетие одной из главных тенденций было увеличение брачного возраста [2, с. 158 – 160, 210 – 211; 3, с. 46 – 49; 4, с. 61 – 62; 5, с. 194; 6, с. 38 – 39 и др.]. Как правило, подобные тенденции объясняются несколькими факторами.

Во-первых, увеличился срок социализации, что было связано с образованием в постреформационный период. Реформация и католическая реформа привели к тому, что начальным образованием были охвачены широкие слои городского населения, росла доля и тех, кто, пройдя обучение в городских и церковных школах или получив знания от домашнего наставника, поступал в университеты. Тем самым образование продлило срок «взросления».

Во-вторых, общее увеличение продолжительности жизни способствовало росту конкуренции среди людей «активных» возрастов и молодым людям стало гораздо труднее добиваться социально-экономического статуса, допускавшего женитьбу и возможность обеспечить семью.

В-третьих, изменение ментальных установок и социальных практик в XVI – XVII вв. приводит к новым формам социально-демографического поведения.

Продолжительность родительской опеки над уже взрослыми детьми была во многом следствием ограниченных имущественных ресурсов. Брак требовал вычленения части этих ресурсов для новой семьи. Нередко передача наследства старшему сыну в семье чаще всего происходила или после смерти родителей или в том случае, когда родители становились уже недееспособными в управлении собственным делом, в распоряжении имуществом или не могли непосредственно трудиться в поле, в мастерской, в торговой лавке и т. д. Позднее получение наследства (как правило, не ранее 22 – 25 лет) и тем самым более продолжительный путь к хозяйственной самостоятельности объективно сдерживали молодых людей от раннего вступления в брак. Значительную роль стала играть длительная наработка определенных деловых навыков в торговле и ремесле, в организации и управлении мануфактурным производством, в сельском хозяйстве. Многочисленные уже в XVII в. наемные работники мануфактур и крупных цехов вынуждены были ра-

ботать долгое время, прежде чем они начинали получать более или менее стабильный заработок, могли приобрести (снять) жилье и создать семью. Таким образом более позднее вступление в брак в некоторой степени обеспечивало более стабильный характер семейной экономики.

В то же время нельзя не отметить, что в практике заключения брачных союзов в городах Западной Европы XVII в. в первый брак вступали представители самых разных возрастных категорий. В связи с этим можно говорить не только о ведущих моделях брака, но и о различных отклонениях от этих моделей брачных отношений и многообразии форм брака (статистика дает только усредненные цифры). В Южной Европе наряду с поздними свадьбами нередкими были случаи, когда горожане женились в 19 – 20 лет. Особыми были брачные традиции в еврейской среде. Пример знаменитой еврейки из Гамбурга Гликель бас Иуда Лейб, чья биография была детально изучена Н. Земон Дэвис, показывает преобладание ранних браков. Гликель была выдана замуж в 13 лет за Хаима Хамеля, который был старше невесты всего на несколько лет [7, с. 20 – 21].

Изменение модели брака и характера семейных отношений могло также происходить под воздействием войн и тяжелых «кризисов существования». После Тридцатилетней войны, ставшей настоящей гуманитарной катастрофой для германских земель, наблюдалось резкое снижение брачного возраста и рост рождаемости, несмотря на тяжелейшие социально-экономические условия. Но даже эти благоприятные факторы не могли обеспечить прирост германского населения в середине XVII в. после колоссальных потерь военной поры [3, с. 42, 60]. Города переживали различные «кризисы существования» и по другим причинам. Показателен пример подобного кризиса в нормандском Руане в конце XVII в., где рост смертности из-за резкого повышения цен на пшеницу с 1692 года по август 1694 года отразился на рождаемости. Интересно, что статистические данные позволяют зафиксировать определенную разницу в последствиях кризиса для разных кварталов Руана. Если в центре города, где жили его виднейшие представители (аристократия, политическая элита, крупные торговцы, чиновники и пр.) смертность «превысила обычный уровень примерно в четыре раза», то в беднейшей восточной части города смертность увеличилась в восемь раз. Число зачатий и рождений «в богатых кварталах сократилось лишь незначительно, тогда как в бедных кварталах наблюдалось резкое падение числа зачатий». В среде бедняков из-за острой нехватки продовольствия «умирали люди с наименьшей сопротивляемостью (особенно часто умирали маленькие дети), этот же фактор влиял и на плодовитость женщин, которые беременели с большим трудом» [3, с. 41 – 42].

В семейных структурах, а также в среде мигрантов «кризисы существования», гонения и преследования нередко вели к интенсификации взаимодействия, включались социальные «защитные» механизмы, возрастала групповая сплоченность. «Давление» негативных факторов могло способствовать мобилизации

социальных связей, но часто приводило и к их деградации. Так, реалии Тридцатилетней войны нередко вели к утрате устойчивых форм социального взаимодействия, связей с родственниками и религиозной общиной, что вело к десоциализации и маргинализации наиболее уязвимых групп населения.

Семья выступала как довольно сплоченная корпорация. Даже внебрачные связи редко ставили под сомнение приоритет семьи. Прочность семьи во многом обеспечивалась традицией, общностью имущества, правом непосредственного распоряжения которым, правда, чаще обладали мужья (при этом случаи участия жен в руководстве производством и коммерческих делах или непосредственного управления супруги либо вдовы семейным бизнесом были не редкими). Дом бюргера был предметом гордости, «товарным лицом» семьи. Семейное взаимодействие распространялось на религиозно-этическую сферу (с XVI в. распространяется культ ангелов-хранителей семьи, семейные праздники и пр.). Важность и значение семьи подчеркивала идентификация молодых людей себя с родителями и более старшим поколением. В целом для XVII в. мы найдем немало свидетельств заботы родителей о детях, а также взаимных нежных чувств между родителями и отпрысками. Чувство семейной близости «видно и по новой манере, особенно в XVII веке, изображать венчание или крестинь», а также семейные портреты [8, с. 355 – 359]. В семье существовала определенная культура общения между «старшими» и «младшими», осуществлялась передача жизненного опыта. Причем такие семейные связи понимали отношения не только между живыми, но и связи с умершими уже родственниками. В духе средневековой традиции память об умерших и различные формы «общения» с ними служили инструментами подтверждения групповой солидарности, демонстрации статуса этой группы и даже «продвижения» ее общественной значимости в городских и аристократических сообществах [9, с. 35].

Профессиональное взаимодействие также довольно часто строилось на основе родственных отношений, особенно в таких сферах, как производство тканей, галантерея, ювелирное дело, магазинная торговля, бакалея, пивоварение и мн. др. Здесь семейная идентичность напрямую «пересекалась» с идентичностью профессиональной. История той же Гликель бас Иуды Лейб показывает, что профессиональные связи опосредовались связями родственными. Гликель после смерти супруга продолжила его дело (продажа жемчуга и драгоценных камней, завоз товаров из Голландии, участие в ярмарках в Брауншвейге, Лейпциге, давала ссуды нуждающимся и пр.), опираясь на поддержку своих многочисленных детей (из 14 выжило 12; все они вступили в брачные союзы). Многие ее отпрыски, переехав в результате женитьбы или замужества в другие города Германии, помогали матери в ее коммерческих делах. Даже поездки по делам сватовства и устройства свадеб она использовала для своего бизнеса [7, с. 23].

Но все же XVII в. выводит на первый план профессиональные связи, формирующиеся между выходцами из разных семей, из разных кварталов города, из

разных предместий (работники мануфактур и горнодобывающих предприятий, команды торговых, рыболовецких и военных кораблей, врачи, юристы, чиновники, интеллектуалы, мелкие городские торговцы и крупные торговые компании, объединения мастеров-строителей, художников и др.). Зачастую такой труд требует высокой квалификации. Речь не идет только о престижных «интеллектуальных» профессиях. В Лионе организация и развитие с помощью итальянских денег шелковой промышленности стало возможно только после привлечения соответствующих специалистов. В городских центрах Нидерландов ткачество, книгопечатание, судостроение, судоходство и многие виды ремесла (до 250 отраслей) в XVII в. достигли высочайшего уровня. Но, говоря о северо-западной Европе XVII столетия, нельзя не упомянуть развитие торгового дела, бирж, банков, кредитов и соответствующих профессиональных корпораций. Амстердам к XVII веку стал «мировым центром перераспределения товаров, цен- и курсообразования» [10, с. 65]. С 1609 года в этом центре европейской торговли осуществлял свою деятельность вексельный банк Амстердама. В Северной и Центральной Европе наряду с внутриевропейскими корпорациями-посредниками возникают еще более крупные колониальные компании. В 1600 г. в Англии, вслед за Восточной (Балтийской) и Левантийской, была создана Ост-Индская компания. В 1602 г. торговое объединение с аналогичным названием появляется в Нидерландах. Масштабная картина развития торговли в раннее Новое время была представлена Ф. Броделем [11].

Еще одна важная сфера социального взаимодействия – образование. В университетских сообществах в XV – XVI веках стали очевидны существенные изменения: под влиянием государства бывшие свободные корпорации *universitas*, делившиеся на *magisterium* и *scholarium*, утрачивают часть свобод, но получают финансирование и заказ на специалистов. Государственная поддержка способствовала трансформации университетов из центров «чистого интеллектуального и научного труда» в учреждения профессионального образования [12, с. 132 – 134]. Характер этих изменений может быть оценен по-разному, но все же университетам удалось сохранить особый статус и особое положение преподавателей и студентов (несмотря на то, что последние нередко выступали в роли пограничной группы, использовавшей широкий ассортимент маргинальных моделей, например, попрошайничества для приобретения одежды, обеспечения пропитания и даже отдыха и развлечения). Многие компоненты корпоративной культуры сохранились и даже укрепились в университетах XVII в. Таким социальным связям способствовали действия различных дарителей. Так, архиепископ Кентерберийский Лод оставил колледжу св. Иоанна Крестителя в Оксфорде всю свою церковную утварь и мебель, все книги и 500 фунтов, которые следовало вложить в землю. Ренту, получаемую с этой земли, следовало поровну распределять между всеми студентами и учеными в день 7 октября [13, с. 177 – 178].

В трансформации социальных связей в XVII в. значительную роль играли, если так можно сказать,

социально-психологические кризисы, напряженность и растущее чувство разобщенности и незащищенности, которые переживали европейские сообщества в условиях развития рыночных структур, дальнейшей социально-правовой и материальной дифференциации, разрыва традиционных форм взаимодействия, утраты «общинности» и пр. Социально-экономическая перестройка, приведшая к становлению индустриальной эпохи, все больше влияла на сферу общественного взаимодействия, ее характер. Наглядным примером были знаменитые «ведовские» процессы. Многочисленные обвинения соседей, конкурентов, представителей других гендерных и возрастных групп и даже родственников показывают высокий уровень социального напряжения в общественных структурах Европы. Сквозь призму социальных противоречий, прослеживающихся в материалах ведовских процессов, может возникнуть ощущение, что традиционные социальные связи в XVII в. были поставлены под сомнение. Однако другие примеры показывают, что в

этой сфере не было однозначных и однонаправленных тенденций. Так, в Англии в XVII в. общество и государство продолжало поддерживать «патриархальность» в семейных отношениях [16, с. 74, 75, 77 – 78]. Во Франции Робер Мандру зафиксировал сохранение в XVII в. всех основных форм социальных связей (исследователь предпочитает термин «социальная солидарность») – супружеская пара и семья, церковный приход, взаимодействие внутри сословий и отдельных страт, интеграционная роль королевской власти и государства в формировании национальной идентичности, молодежные группы и праздники [17, с. 118 – 157, 161 – 165, 171 – 177].

Таким образом, в странах Западной Европы социальные связи в XVII вв. переживали разнообразные трансформации, но по-прежнему тяготели к традиционным формам, которые не утратили своего значения и служили важным инструментом стабилизации общества, «компенсируя» социальное напряжение.

Литература

1. Малов, В. Н. XVII века: время профессионализации / В. Н. Малов // Человек XVII столетия. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. – Ч. 1.
2. Бессмертный, Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
3. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.: учебное пособие для студентов / Г. А. Дидерикс, И. Т. Линдبلاد, Д. И. Ноордам [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 432 с.
4. Репина, Л. П. Женщина и мужчина в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия / Л. П. Репина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. – 352 с.
5. Шоно, П. Цивилизация классической Европы / П. Шоно. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 608 с.
6. Хафтон, О. Женщины, труд и семья / О. Хафтон // История женщин на Западе. – Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения; под ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. – СПб.: Алетейя, 2008.
7. Дэвис, Н. З. Три женских портрета XVII века / Н. З. Дэвис. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 400 с.
8. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 1999. – 416 с.
9. Арнаутова, Ю. Е. Мемогія: «тотальный социальный феномен» и объект исследования / Ю. Е. Арнаутова // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени; отв. ред. Л. П. Репина. – М.: Круг, 2003.
10. История Европы: в 8-т. – Т. III: От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1993. – 656 с.
11. Бордель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV – XVIII вв.) / Ф. Бордель. – Т. II: Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
12. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 2002. – 328 с.
13. Шулькова, Н. Г. Архиепископ Лод – английский Киприан / Н. Г. Шулькова // Человек XVII столетия. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. – Ч. 1.
14. Карначук, Н. В. Изучение частной и общественной жизни англичан в эпоху раннего Нового времени: проблемы междисциплинарного подхода / Н. В. Карначук // Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов; под ред. Б. Г. Могилицкого, И. Ю. Николаевой. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 68 – 81.
15. Мандру, Р. Франция Раннего Нового времени (1500 – 1640): эссе по исторической психологии / Р. Мандру. – М.: Территория будущего, 2010. – 328 с.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории средних веков КемГУ, 8-905-968-67-83, vasutin@history.kemsu.ru.

Sergey A. Vasutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Medieval History, Kemerovo State University.